

В. А. Куприянов, А. В. Малинов

**«Я СЛУЖУ НАРОДНОСТИ...»
(К ПУБЛИКАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИХ ПИСЕМ
ОБ ОТНОШЕНИЯХ РУССКОГО НАРОДА
К ЕГО СОПЛЕМЕННОКАМ» В. И. ЛАМАНСКОГО)***

Идею надо проводить до конца,
если она верна, то приведет к истине;
если нет, то скорее обнаружится ложь.

Из письма В. И. Ламанского М. Устиновичу (30 июня 1851 г.)

«Я служу народности <...> — писал В. И. Ламанский И. С. Аксакову в ноябре 1858 г., — я хочу, чтобы она торжествовала. Я признаю все наличные факты, не потому, что их люблю, совершенно напротив. Но их произвела история, они существуют...»¹ В отечественной славистике Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) известен как создатель «исторической школы»². Однако надо признать, он не избалован вниманием исследователей. В последнее время творчество Ламанского может быть даже в большей степени привлекает внимание историков политической мысли и философии, чем филологов-славистов. Отчасти это объясняется различием в понимании славистики. Для Ламанского славистика не была областью лингвистических или историко-литературных исследований. Он видел в ней политическую науку, возвышающуюся над крохоборством кабинетных бдений. Не случайно главная книга Ламанского — «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) — числилась им по ведомству политической географии. Ламанский открыто относил себя к последователям славянофильского учения, пропагандировал его в статьях и лекциях. В 1886 г. в одной из статей он аттестовал

* Подготовлено при поддержке РГНФ (№ 16-03-00450).

¹ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 18.

² Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 378–431.

© С.-Петербург. гос. ун-т, 2016; © В. А. Куприянов, А. В. Малинов, 2016

себя следующим образом: «Я не дипломат, не политик, не облечен никакою властью и далек от правительственных сфер. <...> Я же принадлежу к скромным, безызвестным политическому ареопагу, труженикам. Мы заняты изучением и разъяснением прошлого народов славянских, их старых и живых языков, их письменности, их современного быта и положения. Если не считать 4-х лет моего ученья в университете, где с первого же года, т. е. с 1850, я отдался изучению славянства, под руководством незабвенного учителя, Срезневского, то, смело могу сказать, с 1854 г. по настоящий день, в течение, значит, слишком 32-х лет, я не могу указать в моей жизни ни одного месяца, когда бы я не работал и не размышлял над славянщиной, не читал рукописей, документов, книг, журналов, газет славянских или иноязычных о славянах, не получал бы писем из того или другого края славянского, сам бы не писал туда или не виделся и не беседовал бы с кем-нибудь из славян западных. В 1862–1864 г. два года непрерывно я прожил в различных славянских землях Австро-Венгрии и в Сербии. В исходе 60-х годов, 70-х и в 1884 г. я предпринимал различные поездки в разные славянские земли. В эти же годы я посетил Грецию и Румынию»³. Однако научные занятия Ламанский не отделял от историософских обобщений, пренебрегающих грубым утилитаризмом и мелочным эмпиризмом. Наука — для него — способна подниматься над суетливыми нуждами современности и даже пророчествовать. В той же статье он писал: «Если дипломатам и политикам позволительно верить, что они управляют судьбами народов и располагают их будущим, то и нашему брату, кабинетным труженикам, служителям науки, слова, идеи позволительно, кажется, призывать и чаять *времена грядущие*»⁴.

Более того, преподавательская деятельность, полагал Ламанский, побуждает шире смотреть на предмет исследований, она должна формировать мировоззрение студентов, а не только помогать осваивать методологические приемы и постигать источники. Сам Ламанский надеялся лишь по выходе на пенсию погрузиться исключительно в архивные изыскания, о чем сообщал Е. П. Победоносцеву: «Предмет моих занятий — история политическая и культурная восточной Европы и в особенности славянского мира, во всех его отделах, как во взаимных их отношениях между собою, так и во внешних их отношениях к западной Европе. Не переставая следить за ученою литературою по этому предмету, я старался преимущественно изучать источники первой важности и материалы неизданные, рукописные»⁵. Однако для Ламанского освоение источников и историографии предмета были ценны не сами по себе, а лишь как материал для последующих историософских или политико-географических построений.

В Санкт-Петербургский университет в качестве преподавателя Ламанский пришел в 1865 г. уже убежденным славянофилом, о чем прямо заявил в первой публичной лекции. Для самого Ламанского славяноведение (область его научных интересов) и славянофильство (его философские и политические пристрастия) принципиально не различались. Еще в пору обучения в Санкт-Петербургском университете у И. И. Срезневского он увлекся славянофильскими идеями. 24 июля 1853 г. он отмечал в своем

³ Ламанский А. И. О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556.

⁴ Там же.

⁵ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 3.

дневнике: «Чувствую, что должен все больше, и больше, и больше становится Русским человеком, как читаешь сочинения таких людей, как Хомяков, Чижов, Самарин, и особенно эти мысли Валуева обнадеживают как-то, уваженье и любовь выступают к Русской старине»⁶. В своих славяноведческих исследованиях Ламанский не чурался обобщений и одновременно не брезговал публицистикой. Широта и масштабность восприятия славистики, сближающая ее с философией и политической географией, напротив, отчуждала работы Ламанского от эмпирических основ истории и филологии. Как ученый и мыслитель он сформировался под влиянием того образа науки, который сложился в эпоху романтизма. Этим во многом объясняется неприятие его учения современной наукой, своими корнями уходящей в позитивизм.

Романтическое увлечение народностью в полной мере высказалось в его ранних сочинениях: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859), защищенном в начале 1860 г. в качестве магистерской диссертации, и программной статье «О распространении знаний в России» (1857). Полвека спустя в письме А. А. Шахматову он признавался, что его магистерскую диссертацию «правильнее было бы назвать Арабский период истории славян»⁷. Ламанский принадлежал уже ко второму поколению русских славистов, хотя с горечью замечал, что изучение славянских языков и литературы в России, умственное и литературное общение с миром славянским «в глазах большинства Русских людей поныне представляется как бы делом пустым, ничтожным и не стоящим никакого внимания»⁸. Его обращение к публицистике было вызвано желанием изменить отношение русского общества к славяноведению как науке и славянам в целом. Он сочувственно относился к редакторской деятельности И. С. Аксакова, принимал участие в большинстве славянофильских изданий, начиная с «Русской беседы» (1858). Во многом благодаря И. С. Аксакову славянофильство вышло за семейные рамки московских салонов и стало достоянием общественной мысли России. В одном из писем И. С. Аксакову Ламанский излагал свое понимание принципов славянофильской журналистики. «Ваше дарованье, — писал он, — Вам больше всего вредит. Вы непременно хотите, чтобы Ваши образы, Ваши речи совершенно бы соответствовали тому, что Вы выражаете. Между тем при нашем положении всякий писатель, если хочет служить делу, обязан облекать свои мысли в самые невинные образы, новые и смелые идеи высказывать, как самые обыденные мысли. Если у Чернышевского и компании и есть способности, то именно к этому. Они берут особенно этим. Вы же пугаете сразу и больше всего вредите себе сами. По-моему, такая программа бесполезна. Ваше направление известно, Ваши взгляды на нынешнее положение России, Славянства, на их отношения к Западу должны выясняться целым рядом статей, более похожих на простые, ясные, докладные записки, нежели на Пиндарические оды, исполненные пафоса и смелых оборотов и образов. Вот, скажите Вы, *чиновничье* воззрение Петербурга»⁹. Публицистика для Ламанского не была средством популяризации достижений отечественной славистики, а действенным орудием проведения в общественное сознание славянофильских идей.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 56.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.

⁸ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 191.

⁹ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 88.

К ранним работам Ламанского примыкает небольшой цикл неопубликованных статей «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам», подготовленных в 1859 г. для издававшейся И. С. Аксаковым газеты «Парус». В 1858 г. И. С. Аксакову перешло редактирование славянофильского журнала «Русская беседа». В скором времени директор азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевский предложил И. С. Аксакову издавать шестнадцатистраничную еженедельную газету, которая, по его мысли, могла бы противостоять влиянию Австрии на славянские народы. И. С. Аксаков рассматривал газету «Парус» как продолжение того направления, которое было представлено «Русской беседой». Он особенно рассчитывал на публикацию материалов в виде писем из российских губерний и славянских земель. 3 января 1859 г. вышел первый номер «Паруса», открывавшийся статьей И. С. Аксакова о свободе слова. Во втором номере И. С. Аксаков выступил с призывом к отмене крепостного права, а М. П. Погодин — с критикой итогов Крымской войны. После этого газета была закрыта.

«Исторические письма» Ламанского остались неоконченными, и впоследствии он не предпринимал попыток их опубликовать. Возможно, последовавшая вскоре длительная командировка в славянские земли не только отвлекла его от работы над «Историческими письмами», но и несколько скорректировала взгляды. Ламанский непосредственно познакомился с реальным положением западных и южных славян, ближе сошелся со многими представителями славянской интеллигенции. «Исторические письма» были в большей степени плодом его романтического идеализма и кабинетного синтеза, чем результатом серьезных славяноведческих занятий. Ламанский создавал умозрительность многих своих построений, признавал склонность к отвлеченным теориям. Так еще в студенчестве он писал (28 января 1851 г.) одному из друзей: «Более воображаемое, чем действительное существование характера, убеждений, любви к науке и вообще театральное настроение — вот главная сторона моего характера»¹⁰.

Первое «Письмо...» представляет особый интерес как с точки зрения вопроса о формировании убеждений Ламанского, так и со стороны более общей проблемы влияния зарубежной научной и философской традиции на русскую науку. Три основные идеи пронизывают смысловое содержание этого текста: одноязычность славянских народов, коренное отличие западной — прежде всего, немецкой культуры — от славянства и теория языка как выражения духа народа. Причем именно последняя мысль является основой, на которой строится весь теоретический каркас первого «Письма...». По мнению Ламанского, язык является выражением народного духа. Дух народа, его культура и внутренняя сила неразрывно связаны с языком. Язык, таким образом, не является инструментом именованности реальности, а оказывается самой сущностью человека. Причем, речь идет не о языке вообще, а о языке конкретного народа, благодаря чему каждый отдельный индивид объединяется в единое целое той или иной нации. В силу неразрывной связи языка и духа народа каждый язык представляет собой то или иное конкретное мировоззрение, поэтому Ламанский пишет не о философии, науке и литературе как таковой, а призывает к выработке культуры на основе ее национальной определенности. В свою очередь тот факт, что язык представляет собой сущностное определение отдельного человека и народа в целом, свидетельствует о «природном» тяготении друг к другу как представителей одной национальной группы, так и разных,

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 14.

но близких в языковом отношении народов. Этим объясняется особая близость славян друг к другу и их внутреннее единство, находящее выражение в общем языке. Для иллюстрации этого обстоятельства Ламанский в первой части «Письма...» дает множество ярких примеров, извлеченных их свидетельств о путешествиях по славянским землям.

Однако любому внимательному исследователю очевиден источник этой весьма интересной и плодотворной теории языка: речь идет о великом немецком философе и филологе В. фон Гумбольдте, на которого Ламанский прямо ссылается в своем тексте. Тезисы о языке как выражении духа народа, о неразрывном единстве мышления и языка, критика инструментальной концепции языка и понимание народа как прежде всего «духовной формы человечества, имеющей языковую определенность», составляли основные идеи лингвистического учения В. фон Гумбольдта, изложенного в его главном языковедческом труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», который Ламанский цитирует в своем «Письме...». Важно при этом понимать, что в чем-то сходные мысли высказывали в начале XIX в. многие немецкие мыслители: среди наиболее ярких ученых и философов можно отметить Я. Гримма, братьев Шлегелей, И. Г. Фихте. Но именно Гумбольдт был тем философом, который оказал на Ламанского наиболее значительное влияние, сопоставимое, пожалуй, лишь с влиянием таких ученых как Ф. Палацкий и П. Шафарик. Но на примере публикуемого «Письма...» можно отметить, что если деятели чешского национального движения повлияли преимущественно на взгляды Ламанского на славянство, то влияние Гумбольдта было более общим и фундаментальным: чтение Гумбольдта сформировало общетеоретические взгляды русского ученого.

В молодые годы Ламанский имел весьма устойчивый интерес к творчеству Гумбольдта. Еще в одном из писем периода своего студенчества (1851–1852 гг.) Ламанский писал, что перевел Гумбольдта¹¹. Впоследствии в 1860 г. при защите магистерской диссертации Ламанский прямо указывал труды Гумбольдта в числе своих основных пособий: «Советы и указания почтенного профессора, известного славяниста (И. И. Срезневского. — *Авт.*), обратили меня к отчетливому и внимательному обследованию древнейших памятников славянской письменности. Труды Гумбольдта, Я. Гримма, Востокова, Шафарика и их школы, были главнейшими моими пособиями и образцами»¹². Затем в зрелые годы взгляды Ламанского некоторым образом варьировались, но основа, заложенная чтением Гумбольдта и других немецких ученых того времени, непременно сохранялась. Обнаружив сходства в языках славянских народов, Ламанский делает вывод об их внутренней, духовной близости, что приводит его к идее славянского единства. Этот шаг был бы невозможен, если бы ученый не был убежден в органической связи народности и языка и не понимал бы народность как прежде всего языковое единство. В зрелые годы Ламанский придет к концепции трех миров Евразии: романо-германского (собственно европейского), греко-славянского (среднего мира) и азийского. Очевидно, что помимо важнейшего религиозного и географического аспектов этой классификации, в ее основе лежит представление об общем племенном и языковом пространстве ряда народов Европы: славянских народов и народов западной Европы. В первом «Историческом

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 32.

¹² Ламанский В. И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 29.

письме...» можно видеть самые ранние зародыши этой идеи. Ламанский говорит о фундаментальном значении «искаженного христианства» для германских народов, что развратило их характер, и о естественном тяготении славян друг к другу. Понятно, что без идей Гумбольдта и ряда других немецких философов (прежде всего, И. Г. Фихте) это убеждение потеряло бы свой философский фундамент.

Таким образом, изучение ранних произведений В. И. Ламанского и его «Исторических писем...» дает материал для понимания не только путей развития этого видного деятеля российской науки, но также проливает свет на истоки формирования некоторых основополагающих славянофильских концепций: таких как понимание особого пути исторического развития России и панславизм. Очевидно, что без активного интеллектуального общения с западной философской мыслью (прежде всего немецкой) многие выводы славянофилов потеряли бы в своей основательности и глубине. Поэтому славянофильское движение и, более определенно, теорию Ламанского можно понимать как своего рода ответвление на общем богатом духовном древе европейской культуры.

«Исторические письма» Ламанского уже привлекали внимание исследователей. Они, в частности, были использованы в диссертации О. В. Саприкиной¹³. В фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились чистовые версии первых трех писем, переписанных не рукой Ламанского, черновик неоконченного шестого письма и набросок «Заключения первой части, т. е. исторического обзора отношений славян к иноплеменникам» (СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 108). Первое письмо «О влиянии сходства языков на международные отношения» (Л. 1–13 об.) публикуется по чистовому автографу.

В. И. ЛАМАНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ОБ ОТНОШЕНИЯХ РУССКОГО НАРОДА К ЕГО СОПЛЕМЕННИКАМ (СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 1–13 об.)

Письмо первое

«О влиянии сходства языков на международные отношения»

Разлучив, нас сдружила неволя.

Познакомила общая доля,

Возродило желанье одно.

*Лермонтов*¹⁴

Кто из нас не слышал рассказов солдат наших, сломивших венгерский или турецкие походы, о том, как встречали их болгары, сербы, словаки, как легко они понимали друг друга, как братались с ними? Кому не известно, как наши простолюдины-странники

¹³ Саприкина О. В. Академик В. И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

¹⁴ Отрывок из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Соседка», написанное весной 1840 г., когда великий поэт был заключен в ордонансгаузе в Петербурге за дуэль с Э. де Барантом. В самом стихотворении речь не идет о славянах, нет также мотивов, связанных с национальной или политической тематикой. Стихотворение посвящено девушке, которую, поэт, предположительно, видел во время своего заключения.

отзываются о гостеприимстве и радушии болгар, как метко и ясно понимают их тяжкое положение, их отношения к туркам и к грекам-фанариотам, какое живое и искреннее участие принимают они в их неволе; ото всех от них вы слышите одно, всегда почти то же самое, что можете, например, прочесть в высшей степени любопытной книге почтенного инока Парфения¹⁵, который в описании своего хождения на Афон то воскликнет: «Спаси их, Господи, великие страннолюбцы болгары!», то расскажет вам, что «болгары более стеснены и отягощены игом турецким, нежели греки, ибо греки имеют у себя защиту — духовное начальство: патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов. А бедные болгары не только отягощены от тяжкого ига турецкого, но и от греков страдают не много меньше, ибо во градах, где есть архиереи, которые бывают из греков, не позволяют болгарам по-славянски ни петь, ни читать, ни детей учить: впрочем, в селах не смотрят на архиереев, но по-славянски, по российским книгам поют и читают»¹⁶.

¹⁵ *Парфений* (Агеев Петр, 1807–1878) — схиигумен Русской Православной Церкви, духовный писатель и православный миссионер. Автор сочинения «Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» (1855), произведений проповеднического характера: «Опровержение записки о русском расколе» (1864), «Меч духовный на раскольничью апологию» (1864), «Письмо православного инока-священника, схимника, к старообрядцу в Молдавии» (1863), ряд автобиографических заметок «Из автобиографии игумена Парфения», проводил миссионерскую деятельность в среде раскольников.

Принял постриг у раскольников под именем Паисий, посещал раскольнические скиты. К 1837 г. принял единоверие. В 1839 г. на Афоне принял иноческий чин с именем Памва, в 1841 г. — схиму с именем Парфений. В 1843 г. из России вернулся на Афон, откуда по велению духовника отправился в Иерусалим и в Сибирь. Совершил большое путешествие, в ходе которого посетил Палестину (1846) и Константинополь (1847). Так появилось его наиболее известное сочинение «Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле». Произведение было закончено к 1855 г. в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и опубликовано в Москве в 1856 г.

«Сказание...», по выражению А. А. Григорьева, прочла «вся серьезно читающая Русь». О «Сказании...» оставили отзывы С. М. Соловьев и Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин и А. В. Дружинин. Особое влияние это произведение оказало на Ф. М. Достоевского. В «Братьях Карамазовых» Достоевский использовал эпизод из «Сказания...». Также стилистика этого произведения чувствуется в некоторых эпизодах «Бесов». В 1867 г. Достоевский взял «Сказание...» с собой за границу и не расставался с ним до конца дней. Именно это произведение цитирует В. И. Ламанский при описании болгар для подтверждения своей мысли о единстве славянских языков.

¹⁶ Ламанский цитирует «Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле». См.: *Парфений (Агеев П.)*. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: В 4 ч. Ч. 2. Странствие и путешествие по Европейской Турции и пребывание во св. горе Афон. М.: Тип. Александра Семена, 1856. С. 50–51. — Стоит отметить, что при этом Парфений пишет, что «<...> Болгарское наречие ближе к словенскому, нежели великороссийское». Описание Болгарии, которая тогда входила в состав Османской империи, дается на с. 50–54 этого издания «Сказания...». Парфений описывает свое странствование по малым городам и селам Болгарии и в целом дает достаточно высокую оценку как гостеприимства, так и религиозности болгар.

Каждый странник наш, разумеется, коли он человек добропорядочный, совестливый и богобоязненный, а не плут какой-нибудь, — надо правду сказать, всякие бывают, — повторит вам почти буквально слова нашего почтенного, добродушного странника-писателя о том ли, например, что «болгарский народ всякие похвалы и чести достоин, страннолюбив и милостив, много усерден ко св. церкви» и пр., или о том, что «во истину благая страна Болгарская и блажен в ней народ живущий! Болгары весьма трудолюбивы, так что возделаны у них все земли: хлебопашество, садоводство и даже шелководство у них процветают. Народ торговый, обходительный и ласковый... Много их смирило и отяготило турецкое иго; а если бы этот род был свободный — еще бы был он превосходнее»¹⁷. Редкий наш странник не порасскажет вам, что и его, как и инока Парфения, например, где-нибудь в глуши за Балканами «весьма много просили христороубцы, чтобы мы у них погостили, хотя неделю, что они весьма русских любят, и никогда русских не видали во своем селе и чтоб сходили в их монастыри и собрали милостыню»¹⁸. Инок же Парфений говорит про болгар, что это *язык наш*, что они «много имеют расположения к России, потому, что одного племени и языку и обычаев»¹⁹.

Точно также скоро сдружится и братается всякой простолюдин русский с черногорцем и вообще со всяким сербом. Достойный глубокого уважения, почтенный предшественник Парфения, так много странствовавший, так долго проживший и столь честно потрудившийся на Востоке, Василий Григорович-Барский-Плаки-Албов²⁰ в своих чрезвычайно любопытных записках рассказывает, что прибывши из Рима в Венецию, он *зело желал* морем пуститься ко граду *Зарра* или *Задра*²¹, что в Далмации, не *видения ради*, так как много уже видел *красна и чудесна*, «но посещения ради мощей Угодника

¹⁷ Эту и предыдущую цитату см.: Там же. С. 51–52.

¹⁸ Там же. С. 55. — В данном разделе Парфений описывает болгарскую деревню Калофер и цитируемые слова относятся именно к жителям этого населенного пункта. Сегодня это небольшой город в общине Карлово Болгарии.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Василий Киевский (Василий Киево-Российский, Василий Рос, Василий Плака, Василий Плака-Альбов, Беляев Плака-Альбов) (1701–1747) — русский странник и писатель, брат киевского архитектора И. Г. Григоровича-Барского, священник при российском посольстве в Константинополе (1743–1746). Родился в Киеве в семье купца из города Бар (в совр. Винницкой обл. Украины). Двадцать четыре года странствовал по Европе, Азии и Северной Африке. В Антиохии патриархом Сильвестром был посвящен в монашеский сан с именем Василий. Владел греческим, арабским, турецким языками, знал географию, историю и многие другие науки.

Василий вел путевые записи, незаконченная рукопись с описанием путешествия осталась у его матери и со временем стала известна по всей Малороссии. В 1788 г. в сокращенном виде «Путешествие» было издано В. Г. Рубаном под названием «Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца киевскаго, монаха антиохийскаго, Путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году». Книга многократно переиздавалась. Полностью была издана Православным Палестинским обществом под ред. Н. П. Барсукова в 1885–1889 годах. В «Письме» Ламанского речь идет именно об этом произведении.

²¹ Так вслед за Григоровичем-Барским Ламанский пишет название хорватского города Задар (итальянское название — *Zara*).

Божия Симеона Богоприимца и иных святых; еще же того ради, яко тамо всюду, наченше от Далматов хорваты, сербы и болгаре славенским разглагольствуют наречием, идеже благо бы мне было шествовати, знающему добр славянский язык»²².

Один русский путешественник XV в., бывший в нынешней Австрии, заметил про хорватов: «*Язык русский, а вера римская*». Мне довелось слышать от одного нашего, весьма почтенного ученого и писателя, как он, будучи в сороковых годах в земле Хорватской, гулял однажды в окрестностях Загреба у немцев Аграма²³ с несколькими хорватскими литераторами, у которых, как и у всего их образованного общества, в употреблении язык собственно сербский или вообще речь, уже значительно уклонившаяся от языка простонародья, одним словом почти также, как и у нас. Встретясь с каким-то мужиком хорватским, они вступили с ним в разговор. Наш русский путешественник в шутку заговорил с ним по-русски, ничего ему об этом не сказывая, при сем он старался, как можно ближе держаться русской простонародной речи, беспрестанно вмешивая в беседу простонародные, как великорусские, так и малорусские пословицы, поговорки и прибаутки. Хорват все понимал превосходно и в заключении сказал, что «вот это так настоящий, *правый хорватский язык!*».

Словаки, как известно, с своими мышеловками, формочками и разными изделиями из жести и проволоки, ходят не только по всей Европе, но и в Азию — в Сибирь, Китай, в Америку — в Соединенные Штаты и даже в Африку. Один из таких словаков *дратарей* (*драть* — проволока), ходивший несколько лет по России и Сибири, рассказывал, вернувшись домой, в семье своей, что везде и всюду он встречал словаков, только вот не приводилось ему видеть их в Тифлисе, пока не пришел он в дом начальника (русского губернатора?), который тоже был словак. Видно губернатор-то был не из немцев, а то наш словак назвал бы его швабом: у них ведь тоже есть немцы, только зовут их больше все швабами. Сербы тоже не прочь назвать русского *србином*, тем более, что серб православный своего земляка латина никогда не назовет *србином*, тому он даст имя *шокаца* (шокац), которым он зовет иногда и немца. Сами босняки-мусульмане зовут сербами одних только православных сербов. Я сказал, что сербы называют и нас сербами; так Гильфердингу говорил в Боснии один бег, верою мусульманин, но родом славянин. «Я се чудим (удивляюсь), да е ваш царь помого немцу на мадыра: ваш царь е србин, а немец е шокац».

Когда славный боярин московский Борис Петрович Шереметев²⁴, посланный царем Петром на остров Мальту учиться у рыцарей биться с туркой, останавливался проез-

²² См.: Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского, Путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году. Клинцы: Тип. Рукавишниковой, 1788. С. 97. — Григорович-Барский описывает свой путь из Венеции в Далмацию — событие, относящееся к 13–22 октября 1724 г.

²³ Аграм — название Загреба во времена Австро-Венгрии.

²⁴ *Борис Петрович Шереметев* (1652–1719) — русский военачальник, сподвижник Петра I. В 1697–1699 гг. совершил путешествие по Европе. Полное название и выходные данные цитируемого Ламанским произведения: «Записка путешествия генерала фелдмаршала российских войск, тайного советника и кавалера мальтийского, с. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена, графа Бориса Петровича Шереметева, в тогдашния времена

дом в Вене, то цесарь пригласил его 27 дек[абря] 1697 г. к себе ко столу, «и цесаревна изволила прислать к боярину фрелин своих двух, которые умеют говорить по чехскому, чтобы они с боярином разговаривали, и они, пришед к боярину, уклоняся, говорили, что показался ли тебе сей цесарского величества чин?»²⁵ Петр В. в 1698 г. проездом из Дрездена в Вену посетил Прагу, «эту главу и мать городов всей земли Чешской», город, который, как местопребывание Ганки, Палацкого, Пуркини, Шафарика²⁶ и мн. др., теперь

бывшаго ближняго боярина и наместника Вятского, в европейския государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Малтийский остров, изданная по подлинному описанию, находящемуся в библиотеке сына его господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора и кавалера с. апостола Андрея, с. Александра Невского, Белого Орла и с. Анны, графа Петра Борисовича Шереметева» (М: Печ. при Имп. ун-те, 1773). Дипломатическая миссия Б. П. Шереметева осуществлялась по поручению Петра I, являлась составной частью «Великого посольства» Петра I и имела военно-дипломатические цели, направленные против Турции. Конечным пунктом поездки была Мальта. Пополнение военных знаний и дипломатические контакты составляли непосредственную задачу Шереметева. Приезд Шереметева в Вену, о котором упоминает Ламанский, состоялся в декабре 1797 г. Прием у Леопольда был достаточно теплым: император подарил Шереметеву бриллиантовый перстень со своей руки и снабдил рекомендательными письмами к папе римскому и Магистру Мальтийского ордена. В итоге Шереметев стал кавалером Мальтийского ордена. После поездки Шереметев вернулся в Москву в немецком кафтане, чем вызвал радость царя.

²⁵ *Примечание В. И. Ламанского*: Записка путешествия. М., 1773. С. 26.

²⁶ Ламанский перечисляет некоторых деятелей так называемого Чешского национального движения. Многие из них, по словам Ламанского оказали на него серьезное влияние. *Вацлав Ганка* (1791–1861) — виднейший чешский филолог, поэт. Автор множества песен, ставших затем народными, переводчик на чешский язык «Слова о полку Игореве». Наибольшее значение имела публикация им «Краледворской рукописи» и «Зеленогорской рукописи». Обе эти рукописи были подделками Ганки. В. И. Ламанский принадлежал к крылу славистов XIX в., оспаривающих подлинность «Краледворской рукописи». *Франтишек Палацкий* (1798–1876) — видный чешский историк и политик, переводил на чешский язык песни Оссиана. Был сотрудником чешского национального музея, редактором и издателем двух журналов на чешском и немецком языках. В 1836–1876 гг. издал на немецком языке «Историю народа чешского в Чехии и Моравии», начатую Й. Пубичкой (*Chronologische Geschichte Böhmens*: В 6 т. Прага, 1770–1808) и доведенную Палацким до 1526 г., в 1848–1876 гг. издал «Историю...» на чешском языке. При написании «Истории...» опирался на сведения «Краледворской» и «Зеленогорской» рукописей. Первая была им издана с его собственными комментариями. Ф. Палацкий оказал значительное влияние на научные взгляды Ламанского. Палацкому Ламанский посвятил свою первую книгу «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859). *Ян Эвангелиста Пуркине* (1787–1869) — чешский физиолог, врач, политик и педагог. Его основные достижения относятся к сфере анатомии, физиологии и медицины, где он совершил ряд открытий. Выступал за политическую самостоятельность славянских народов, пропагандировал идею славянского единства. Перевел на чешский язык «Освобожденный Иерусалим» Тассо и ряд стихотворений Шиллера. *Павел Йозеф Шафарик* (1795–1861) — чешский и словацкий славист, автор многочисленных стихов. Поддерживал контакты с В. Ганкой, Й. Добровским, Й. Юнгманом, Ф. Палацким. В 1818 г. вышла его книга «Начала чешского стихосложения, особенно просодии», написанная совместно с Палацким

можно было бы назвать Славянскими Афинами, если бы всегда лукавая и анти-либеральная политика австрийская (вспомните хоть образ действий венского кабинета с Суворовым) не стала, по окончании Венгерской войны, напрягать всех усилий для потушения всякого духа жизни в подвластных ей славянах, для обращения их в немцев, с одной стороны, и в безгласное стадо послушных чад папы и иезуитов, с другой стороны.

Почтенный ученый и благородный патриот *властенец*, как говорят чехи, Пельцель²⁷ считал долгом упомянуть об этом приезде Петра в своей Чешской истории, писанной на немецком языке в конце XVIII столетия. Надо заметить, что Пельцель, заодно с лучшими людьми своего народа, совершенно тогда отчаялся в возможности возрождения чехов и почти был уверен, что их постигнет судьба славян балтийских, не истребив которые с помощью своих императоров и Римских пап, правда немцы были бы теперь малочисленнее, зато несравненно счастливее, так как всякий народ, отдаваясь дикому, грубому духу завоевания и насилия, непременно искажает свою природу, развращает свое внутреннее бытие. Как отдельные лица, так и целые народы для собственно же пользы и для правильно сознаваемых выгод, решительно обязаны в своих взаимных отношениях руководиться мудрым наставлением: «Не желай ничего такого другим, что себе не желаешь». Ни отдельному лицу, ни целому народу нельзя заставить других уважать и любить себя, иначе, как признанием и уважением чужой личности и народности ее, Богом самим дарованными, правами на тихое, спокойное развитие. Пельцель писал в XVIII стол., когда онемечение прохватило насквозь высшее и средние сословия народа чешского, когда в земле, давшей миру Я. Гуса, Иеронима, Жижку, Прокопа, Хельчицкого, Птачка, Подебрада, Залужинского, Коменского, Колара²⁸ и пр.

и опубликованная анонимно. Книга оказала большое влияние на чешскую поэзию. Итогом изучения Шафариком славянских литератур стала публикация в 1826 г. книги «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» — первая серьезная работа по истории славянской литературы и сравнительной лингвистики славянских языков. В 1833 г. опубликовал «Serbische Lesekörner» — первая работа по истории сербского языка. принимал участие в Славянском съезде в Москве и С.-Петербурге в 1867 г. В научном образовании Ламанского работы П. Й. Шафарика сыграли огромное значение.

²⁷ *Франтишек Мартин Пельцель* (1734–1801) — чешский филолог, историк, писатель. Обучался в иезуитской школе и Пражском университете, затем служил домашним учителем в доме графа Штернберга и графа Ностица. Преподавал чешский язык и историю. Его основные научные интересы лежали в сфере чешской истории времен Карла IV и короля Вацлава IV. Главным достижением Пельцеля можно считать первое изложение чешской истории с древнейшего периода по XIV в. на чешском языке. Оказал существенное влияние на Й. Добровского. Слово «*vlastenec*», применяемое Ламанским к Пельцелю, в переводе с чешского означает «патриот».

²⁸ Перечисляются видные деятели чешской культуры и истории. *Иероним Пражский* (1380–1416) — чешский ученый и сподвижник Я. Гуса. Обучался в Пражском университете, затем в 1399–1401 гг. посещал Оксфорд, откуда привез в Чехию переписанные произведения Дж. Уиклифа. Работал в Гейдельберге, Кельне и Париже. Участвовал в создании Краковского университета. *Ян Жижка* (1360–1424) — чешский полководец и национальный герой чешского народа, участник гуситских войн. Участник Грюнвальдской битвы. С 1421 г. лидер таборитов. *Прокоп Голый, или Прокоп Великий* (1380–1434) — чешский священник, военачальник и политик. В начале был сторонником утраквистов, однако впоследствии

происходили подобные случаи: однажды несколько честных чехов сошлись вместе и беседовали о своей *власти* (родине), один из приятелей вдруг прерывает разговор и говорит — разойдемтесь лучше поскорее, не то вдруг провалится крыша, убьет нас и тогда не останется на земле ни одного чеха. Разумеется, он выразился несколько преувеличенно: народ по возможности крепко хранил свой язык и славянские обычаи и нравы, и наконец дождался Крамера, Добровского, Ганку, Шафарика, Палацкого, Юнгмана, Пуркиню, Колара, Челяковского, Гавличка²⁹ и других им подобных, скромных и чест-

примкнул к таборитам и стал их лидером. Командовал войсками Табора в ряде битв, погиб вместе с Прокопом Малым в битве у Липан (1434). *Гинек Птачек* (1404–1444) — чешский дворянин, участник умеренного крыла гуситов. Принимал участие в битве у Липан, был близким соратником Иржи Подебрада. *Петр Хельчицкий* (ок. 1390 – ок. 1460) — чешский мыслитель и религиозный деятель периода завершения гуситских войн и идеолог «Чешских братьев», инициатор формирования религиозной общины «Братское единение» (1457), которая дала начало общине «Чешских братьев». Странник идеи непротивления злу силой. В 1521 г. опубликовал свое главное произведение «Сеть веры». *Ян Амос Коменский* (1592–1670) — чешский философ, религиозный деятель и педагог, организатор классно-урочной системы, член общины «Чешских братьев». Главное произведение Коменского «Великая дидактика». *Колар* — возможно, имеется в виду Ян Колар (1793–1852), словацкий поэт, активно пропагандировавший в своем творчестве идеи панславизма и «славянской взаимности». Один из ярких представителей словацкого национального возрождения, предлагал использовать вместо словацкого чешский язык. Был близок Ф. Палацкому. Видимо, этим обусловлено упоминание Ламанским Колара в ряду чешских политических и религиозных деятелей XIV–XV вв. В 1821 г. Колар опубликовал сборник стихотворений «*Vásne Jana Kolára*». Также автор многочисленных сонетов, пронизанных влиянием Дж. Г. Байрона.

Здесь Ламанский перечисляет деятелей гуситского движения. Для него гуситы служили ярким примером влияния и значимости России и православия в Европе. Это нашло отражение в его главном труде «Три мира Азийско-Европейского материка». Ламанский высказывает мысль, что все лучшие люди романо-германского мира, «смело вооружавшиеся, с половины IX в. вплоть до Виклефа и Гуса, против искажений и злоупотреблений Рима, не переставали в подтверждение того или другого своего мнения указывать на греков и Восточную Церковь, как на хранительницу высших христианских идеалов и лучшего строя церковной жизни» (*Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 266*). Как пишет Ламанский, гуситство имело, кроме религиозного, еще и национально-освободительный, антинемецкий характер, и здесь примером для Гуса и Иеронима были восточные славяне (см.: Там же. С. 266). При Алексее Михайловиче и Петре Великом Россия оказала, по мнению Ламанского, влияние на пробуждение национального самосознания у раздавленных немцами, турками и Римом славян, что признавали виднейшие деятели западного и южного славянства.

²⁹ *Франтишек Ладислав Челаковский* (1799–1852) — чешский поэт, переводчик, филолог, этнограф, профессор, специалист по сравнительному языкознанию. Один из главных провозвестников идеи «славянской взаимности» и «чешского национального возрождения». Наиболее значимыми работами считаются «Отголосок русских песен» (1829) и «Отголосок чешских песен» (1840) — сборники стихотворений, стилизованных под русские народные и чешские народные песни, принятые современниками за переводы

ных тружеников, во истину добрых страдальцев за землю Чешскую. Но в XVIII стол., и, возможно и понятно было сомнение Пельцеля. Он писал свою историю по-немецки и так, вот что говорит он по случаю приезда нашего Петра в Прагу: «В 1698 г. чешское дворянство имело удовольствие угощать русского царя Петра Первого. Он выехал из Дрездена в Вену. В свите его было более полтора ста человек. Так как знатнейшие из дворян сидели с ним за одним столом, то он и выразил им свое благорасположение тем особенно, что говорил с ними по-славянски, ибо чешский язык был родным языком у тогдашней знати, хотя некоторые и начинали уже предпочитать ему язык немецкий»³⁰.

Петр Великий, в 1697 г. проезжая через Саксонию, получил в дар от сербо-лужицанина Михаила Френцеля, сербо-лужицкие книги, изданные этим весьма ученым и столь же благородным патриотом³¹. В приложенном к ним письме своем к царю, Френцель говорит между прочим: «что великое счастье приспело всей *Сасской* земле и особенно Дрездену увидеть у себя того великого царя, что правит миллионами людей, говорящих *нашею сербскою речью*». Наши единокровные и единовѣрные братья, южные земляки наши, малороссияне, в XVII стол. выставили из среды своей много писателей, чистых русаков и православных, одинаково свободно владевших, как русским, так и польским языком. Волынский летописец, рассказывая под 1259 г. о попечениях князя Даниила о городе Холме, заметил между прочим, что он стал приглашать переселенцев: «нача призывати приходаѣ нѣмцѣ и русь, иноязычники и ляхы»³². В период Московский, предки наши, состоя в постоянных, почти непрерывных связях с Польшею, всегда сносились с поляками без посредства переводчиков. В XVII стол. польские начальники

оригинальной народной поэзии. Пропагандировал изучение в Чехии русской литературы и истории. *Карел Гавличек-Боровский* (1821–1856) — известный чешский общественный деятель, публицист и поэт. Был близок к Й. Юнгману и П. Шафарлику. В отличие от Я. Колара, Ф. Ганки и раннего Ф. Челаковского (до 1835 г.) был настроен против панславизма и придерживался антирусских взглядов. Сформулировал идеи, послужившие основой для идеологической борьбы чешской интеллигенции за права и свободы чешского народа в составе австрийской и затем австро-венгерской монархии. В 1848 г. стал одним из организаторов Славянского съезда в Праге (12–17 июня 1848 г.).

³⁰ Вероятно, имеется в виду следующий труд Ф. Пельцеля: «*Kurzgefasste Geschichte der Böhmen von den ältesten bis auf die itzigen Zeiten*». Prag.: St. Clemens, 1774; 2. Auflage: Hagen, Prag: 1779.

³¹ *Френцели, или Бранцели* — серболужицкая семья, активно поспособствовавшая сохранению серболужичан и национальному возрождению этого народа. В данном случае речь идет о Михале Френцеле (1628–1706), известного переводом Нового Завета, для чего он использовал уже имеющиеся переводы на другие славянские языки (словенский — Библия Далматина, 1548; польский — Гданьская библия, 1660; чешский — Кралицкая библия, 1613). В основу перевода Френцель положил верхнелужицкие говоры, распространенные к югу и юго-востоку от Баутцена и исчезнувшие к началу XIX в. Френцель также развивал мысли о славянском единстве и родстве серболужичан с Московией, которые высказаны в письме к Петру I. В 1697 г. Френцель передал русскому царю свои переводы Библии на верхнелужицкий язык. Письмо, о котором говорит Ламанский, опубликовано И. И. Срезневским в Журнале Министерства народного просвещения (1844).

³² См.: Галицко-Волынская летопись. СПб., 2005. С. 134. — См. также: Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1845. С. 196.

вели переписку с стоявшими в Малороссии московскими воеводами на языке польском, без всякой примеси русского, писали только не латинскими, а славянскими буквами, значит, воеводы наши и их подчиненные легко понимали по-польски, отделяла их только азбука. Кто же, наконец, из нас не встречал таких солдат русских, которые во время стоянок своих в Польше, иногда весьма не продолжительных, превосходно выучивались говорить по-польски? Кто не замечал, как в свою очередь, поляки быстро научаются говорить по-русски, хотя и не овладевают сразу всеми особенностями нашего языка, всеми оттенками выговора, всеми отличиями нашего своенравного ударения, что, по-видимому, не подчинено никаким законам, трудно дается не одним полякам, но и чехам, сербам, болгарам... Тем не менее, любой поляк, скорее всякого немца, выучивается по-русски и говорить и писать, а многие ли из немцев наших в состоянии легко и свободно писать по-русски? Не разумею здесь тех, уже почти совершенно обруселых немцев, что с детства знакомы с русскою речью, что уже не редко затрудняются в выборе слов или выражений, говоря или пиша по-немецки. Однако большая часть даже значительно обруселых немцев, которые успевают овладеть языком русским, и устным и письменным, пишут правда правильно, гладко, но тем не менее тяжело и неповоротливо распоряжаются богатствами русского слова, речь их вялая и безжизненная (хотя, быть может, грамматика Греча не упрекнет их ни в одном промахе³³), веет холодом, отзывается искусственностью, не представляет ни одного слова, ни одного выраженья, чтобы просилось и лезло в душу читателя (как то бывает у писателей отечественных и далеко не первостепенных); одним словом, русская речь их далеко хуже французской, немецкой, итальянской, английской речи наших русских, которую хвалить можно только относительно; почему и странно заблуждение многих из нас, нередко утверждающих, например, что такой-то соотечественник наш писал по-французски или по-немецки лучше многих французов или немцев. Правда, он мог писать правильное, даже глаже любого полуграмотного простолюдина французского или немецкого, но все-таки его речь будет жидка и скудна, в сравнении с речью последнего, который никогда не смутится в передаче любой мысли, любого движения души. Но русская речь наших немцев еще кажется скуднее и хуже иностранной речи наших русских, не потому только, что русские, как и все славяне, между прочим и к языкам способнее немцев (в чем уверяют нас не народное самохвальство, а свидетельство опыта и голоса всех почти иностранцев), но и потому также, что русский язык гораздо менее обработан французского, английского, итальянского и немецкого, следовательно, предлагает всякому пишущему гораздо меньший запас готовых слов и оборотов, терминов и выражений. Оттого-то и происходит, что между нашими немцами есть много писателей очень полезных, очень трудолюбивых и ученых, но нет почти вовсе таких, которые бы пользовались в массе публики великим влиянием. Конечно, я не разумею здесь тех, у которых немецкого одна фамилия. Их печатная речь не переходит в тихую, дружескую беседу с читателем, вовсе лишена тех сильных слов и оборотов, которых редкий отечественный писатель (и не первоклассный) не сумеет во время употребить в дело. Такая русская речь, чтобы увлекала, трогала и понимала читателя, сколько мне известно, не давалась еще нашим

³³ Речь идет о популярной книге *Николая Ивановича Греча (1787–1867)* — русского писателя, переводчика, филолога и издателя: *Греч Н. И. Пространная русская грамматика*. Т. 1. СПб., 1827.

немцам и вполне дается полякам, нашим *однойзычникам*. Довольно вспомнить только о том громком значении, какое имел некогда в литературе нашей барон Брамбеус.

Знакомства мои с немцами и поляками, производимые над ними наблюдения, решительно позволяют мне смело утверждать, что точно также почти напишут по-русски и весьма многие поляки едва ли хоть один русский немец (если только он не совершенно обрусел), который напишет пожалуй и правильнее, да не так живо. Говорю это вовсе не в укор и осуждение немцам нашим, которых вообще чрезвычайно люблю и уважаю. Упрекать их, например, за то, что поляки гораздо скорее их овладевают русскою речью, было бы и грубо и нелепо, так как немцев нельзя же обвинять в недостатке усердия и прилежания. Не говоря уже о том, что поляки несравненно их способнее к практическому изучению языков, следует заметить, что все-таки главнейшею тому причиною *однойзычность*, если можно так выразится, поляков с нами. Из-за нее немец, в этом отношении, несравненно менее способный поляка, гораздо легче и скорее его выучится по-шведски или датски, а русский по-польски, нежели по-французски.

Когда мы *говорим*, то *выражаем*, *проявляем*, *обнаруживаем то, что внутри нас*. Слово человека есть собственно проявление его духа, а не столько выражение и обозначение внешних предметов³⁴. Давая то или другое название предмету, человек прежде всего выражает самого себя, свои представления о предмете. Отсюда — тождественность глаголов: *говорить* и *выражаться*. Язык человеческий есть таким образом выражение, проявление мыслящего духа в членораздельных звуках. Разум человеческий един и одни законы его деятельности. В этом отношении и только в этом, всему человечеству принадлежит один язык. Но это только в чистой идее, — в действительности же одного общего языка нет и не будет, а есть множество языков, которое происходит от того, что род человеческий, в существе своем единый, распадется на множество различных племен и народов, говорящих более или менее сходными, более или менее различными языками. Каждый человек рождается на свет Божий с даром слова, с этим органом мысли, который усвершеняется в нем по мере ее развития. У каждого человека есть свой родной, природный язык, который тесно и неразрывно, как бы таинственно связан с самыми глубочайшими основами его духа. Поэтому [благодаря] отечественному языку, человек сознает себя членом того или другого народа, бессознательно питает к нему какое-то особенное, впрочем совершенно естественное и законное влечение.

В. Гумбольдт, один из тех величайших умов, которыми так богата Германия конца прошлого и начала нынешнего столетия, сказал даже, и конечно не неверно, что «истинное отечество наше есть собственно язык наш, и что отчуждение родного всегда начинается с отчуждения языка». По его же словам, «духовные особенности народа и его язык так тесно слиты и так взаимно связаны между собою, что, имея одно, можно бы было вполне воссоздать другое. Язык, — говорит он, — есть внешнее проявление народного

³⁴ В этом абзаце и до слов «<...> Возвращаясь теперь к нашему предмету, мы твердо убеждены, что <...>» Ламанский передает ряд основополагающих идей лингвистики В. фон Гумбольдта из его работы «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества». См.: *Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 35–298.*

духа, они совершенно тождественны»³⁵. Языки различны между собою, поскольку различны склад ума и духовные особенности народов.

Изучение иностранных языков требует от человека некоторого насилия над собою, как бы известного самопожертвования и устранения своей личности, заставляет человека как бы переноситься из одной области в другую, переходить от одного мировоззрения к другому. Отчего и происходит, что человек может хорошо знать собственно только один язык, или же не знать хорошо ни одного; что с раннего детства учить иностранным языкам положительно вредно, в чем, впрочем, убеждает нас и ежедневный опыт в тех странах и обществах, где ведется такой обычай, целые сословия отличаются ярко неспособностью ко всякому положительному делу, совершенным отсутствием производительности и самодеятельности, запечатлены бледною бесцветностью, каким-то умственным бесплодием³⁶. Из этой же тесной и неразрывной связи языка с духом народа проистекает и то, всем известное явление, что человек, долго пробывший на чужбине, с какою-то особенною радостью, даже жадностью, ловит слышанные им звуки родного слова, не может в досталь наговориться на чужбине и с таким земляком своим, с которым на родине не захотел перекинуть и двух слов. В этом отношении влияние языка на человека просто громадно, и всякому, хотя несколько наблюдавшему над ним, как и вообще мало-мальски знакомому с природою и историею языков, в высшей степени странным кажутся мнения, отрицающие бытность, возможность и необходимость народного воззрения, народной философии, науки, которая, как то открывается из философских школ, индийской, греческой, римской, французской, английской, немецкой, всегда находится в такой неразрывной связи с народным духом, с народным языком. В. Гумбольдт метко заметил, что, «бытие языков доказывает существование таких духовных явлений, которые вовсе не происходят от одного лица и через него передаются другим, но зарождаются из совокупной, современной самостоятельности всего народа» (*Das Dasein der Sprachen beweist, daß es auch geistige Schöpfungen giebt, welche ganz und nicht von Einem Individuum aus auf die übrigen übergehen, sondern nur aus der gleichzeitigen Selbstthätigkeit Aller hervorberechen können*)³⁷.

³⁵ *Примечание В. И. Ламанского*: У славян и друг., следовательно, не даром язык, народ, земля — синонимы.

³⁶ Такого рода воззрения характерны для немецкого философа И. Г. Фихте (см. например, «Речи к немецкой нации» (первое издание — 1808), лекции «Основные черты современной эпохи» (1806)). «Речи...» многократно переиздавались и пользовались неизменной популярностью в среде национально ориентированной немецкой публики, мечтавшей о германском единстве. Фихтевская концепция языка развивалась параллельно с теорией Гумбольдта и имела с ней ряд общих особенностей (см.: *Фихте И. Г. Речи к немецкой нации*. СПб.: Наука, 2009. С. 112–128). В данном случае с отрывком «Письма» Ламанского сходятся рассуждения Фихте о народах живого и мертвого языка. Это различие имеет у Фихте и социальный смысл: носителями мертвого языка могут быть представители определенных сословий — прежде всего аристократии. Вероятно, Ламанский в этом месте также имеет в виду представителей аристократии.

³⁷ В современном русском переводе этот фрагмент работы В. Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» следующий: «Существование языка доказывает, однако, что бывают творения духа, которые вовсе

Возвращаясь теперь к нашему предмету, мы твердо убеждены, что не встретим никаких возражений, если скажем, что в следствие этого сходства языков, этой одноязычности, русские немцы, петербургские, остзейские, саратовские и т. д., необходимо должны питать больше сочувствия и симпатии к прусскому, баварскому, саксонскому, австрийскому, нежели к русскому, который в следствие того же самого, чувствует гораздо более влечения к поляку и к болгарину, нежели к немцу и к греку. Мы говорим вообще, вовсе не отрицая возможности и действительности частных исключений, которые собственно происходят от того, что одноязычность, главнейшая действующая здесь сила, ослабляется другими посторонними силами, например, разными историческими обстоятельствами, старыми семейными распрями, ласковым и обходительным, гуманным и христианско-братолюбивым обращением иноплеменников, которые таким образом заставляют забывать несходство языка и разноплеменность.

Отрицать бытие и силу симпатий родственных, племенных — решительно невозможно. Они есть, всегда были и будут. Греки и римляне всех иноплеменников называли варварами и чувствовали к ним род отвращения. Упрекать за это древних мы едва ли имеем право. Чувство любви и влечения к своим единоплеменникам, особенно их предпочтенья иноплеменникам, — чувство это врожденно человеку, и требовать от него совершенного отсутствия всяких инстинктов, бессознательных и физиологических влечений и симпатий — безрассудно. Резкое сознание отдельности от иноплеменников, чувство вражды к ним, были неразлучны у древних с развитым самосознанием, с чувством единоплеменности, благодаря которым, и единственно им, возможно было образование их обществ и развитие их национальностей, так далеко двинувших человечество вперед. Не будь этих племенных симпатий и сочувствий, вражда разъединяла бы тогда не народы уже, а всех людей, и общественные союзы были бы не возможны. Мы, новые народы, в этом отношении несравненно счастливее: нас просветил Божественный луч христианства. В новом мире никакая вражда не терпима, сохранение и развитие народностей возможно и даже необходимо без нее; все люди признаны братьями, все народы равны перед Богом, и имеют одинаковые права исповедать Господа на языке своем, — получили одну бесконечную задачу, посредством своих природных сил и национальных способностей проводить в жизнь высокие и святые начала христианства, исполненные духа братства и любви.

Писатели, обвиняющие христианское учение в недостатке справедливости (*justitia*), в излишнем будто бы превознесении духа над плотью, в нарушении равновесия в человеке, в искажении его внутренней природы и пр. не потрудились подумать, что отрицанием христианства, они возвращают человечество к тому древнему миру, когда народы были разъединены между собою племенной враждою³⁸; те же, кто присоединяют еще к

не передаются от отдельного индивида ко всему обществу, но могут родиться лишь благодаря одновременной самодеятельности» (*Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 65*). В немецком оригинале см.: *Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und seinen Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. S. 32.*

³⁸ Сложно сказать, о ком именно в этом месте говорит Ламанский. Но высока доля вероятности, что он имеет в виду популярных в те годы в Западной Европе

этому отрицание начала народностей, приводят мир к дикому хаотическому состоянию вражды, незнакомому даже древним, которые хоть внутри племени своего, чувствовали себя братьями. Временный успех этих новых учений (в сущности очень старых) обязан не лжи их, а той доле правды, которая в них заключается. Они возникли на Западе, как протест против римского учения, сильно искажившего христианство и в этом случае. В отрицании их сила и вместе слабость, односторонность. Действительно, Рим искажил и нарушил ученье Спасителя, его дух братства и любви, когда поставил какого-то наместника, посредника между Богом и Церковью, народом, общиной, тогда как «глас народа, глас Божий, где мир услышит, там и Бог увидит»³⁹. Отняв у христианской общины так сказать всякое самообладание и самоуправление, Рим не мог уже ни толковать единства в смысле деспотизма, ни терпеть местного разнообразия, например, народных наречий в богослужении и проч., не согласных с единством внешним, с бездушным порядком одноформленности, и совершенно возможных и даже необходимых при единстве внутреннем, той цели и задаче, которую преследует истинное христианство: «Любовь любит единство». Презрев самобытность народностей, Рим искажил христианство, которое не уничтожает в человечестве никаких добрых врожденных наклонностей, напротив, освящает и возвышает их, умиряя их резкую, одностороннюю исключительность. Оно освящает любовь матери, уничтожая в ней рвение и зависть к другим, чужим детям; освящает союз семейный, благословляет любовь четы, но и не позволяет для благополучия своей семьи жертвовать чужим покоем и счастьем; освящает, например, и старо-славянский, еще языческий, обычай побратимства и естественную любовь и привязанность человека к своему народу и к родине.

Оттого-то Учитель, говоривший о совершенном безразличии перед Богом эллинов и иудеев, варваров и скифов, рабов и свободных, мог воскликнуть, что желал бы сам быть отлучен от Христа для своей братьи, сродников по плоти. Презрев самобытность народностей, искажив христианство, освятив насильственное его распространение, Рим развратил целые поколения германские; племенная вражда которых к соседям славянам, в язычестве относительно довольно слабая, с принятием ими христианства из такого нечистого источника, не исчезла, а, напротив, приняла размеры самые отвратительные; с течением времени, можно сказать, только развивалась, не была покинута немцами с принятием протестантизма⁴⁰, а перешла в тяжелое наследие новой протестантской

младогегельянцев. Такие обороты как «превознесение духа над плотью», «нарушение равновесия в человеке», «искажение его внутренней природы» весьма характерны именно для философской традиции, представленной трудами Д. Штрауса, Б. Бауэра, Л. Фейербаха и К. Маркса. В контексте дальнейших рассуждений Ламанского важно заметить, что многие представители этого движения начинали как протестантские теологи.

³⁹ Поговорки: «Глас народа — глас Божий»; «Что народ увидит, то и Бог услышит».

⁴⁰ *Примечание В. И. Ламанского*: Евангелический пастор Рихтер (zu Sorre in der Zausitz) силился доказать (Zaus. Magaz. 1825), что славянский, сербо-лужицкий язык, не только вреден для правительства прусского, но и предосудителен для религии христианской, а потому и надо его, как можно скорее искоренить... За такие мнения мы не имеем никакого права винить самого пастора, он сам мог быть очень добрым человеком. Давид Трауготт Копер рассказывает в своей «Автобиографии» (Paedag. Deutjete. Berlin, 1836. В. II. S. 81): «Mein Bruder, Schulmeister in Greifenhein (slawisch Malin in der Riederlaufitz), arbeitete an der

Пруссии, где после раздела Польши тотчас же занялись вопросом о средствах истребления славянской национальности. Так в 1796 г. вышло в Берлине сочинение некоего г. Грасгоффа — Grashoff (Carl Fr. Aug.) «Einige Ideen zur Beantwortung der Frage: wie läßt sich die Bildung einer Nation am leichtesten und sichersten auf eine andre übertragen? Mit beständiger Hinsicht auf die gegenwärtige Theilung von Polen»⁴¹. Известно, что над разработкою подобных задач и вопросов поныне трудятся немцы с необыкновенным усердием и энергиею, достойною, впрочем, лучшего дела.

Вражда эта со времени Карловой монархии продержалась до новейших времен и только переживала различные фазы, породив, наконец, нелепый призрак панславизма.

Verdeutschung der Kinder ja der ganzen Gemeinde mit einem Eifer der Alles erzwingen sollte. Ich, sein Gehülfe, folgte ihm, denn ich konnte noch weniger als er es ahnen, daß dieser Eifer ein falscher sei, obgleich mir eines klar, war nehmlich: daß den Leuten in Greifenhein bei einer zwar glättern Außenseite doch das biedere, treue Wesen, die ernste Religiosität, der Fleiß und die Ordnung bei der Arbeit u.f.w. mangelte, wodurch die Sorben, die man ruhig Sorben bleiben ließ, sich auszeichneten». [Мой брат, учитель в Грайфенхайне (славянский Малин в Ридерлау-фице), работал над онемечиванием детей всей общины со всем рвением. Я, как его помощник, следовал ему во всем, поскольку еще в меньшей степени нежели он сам понимал, что рвение это было ложным, хотя одно мне было совершенно ясно, а именно, что людям в Грайфенхайне при всей их сглаженной внешности все же не хватало настоящей сути, подлинной религиозности, прилежания и порядка в работе, чем отличались сербы, которым позволили остаться сербами.] Такое признание этого доброго немца весьма важно. Оно могло бы убедить осязательно немцев и прусских и саксонских и австрийских и всяких других германских, поныне заботящихся об онемечивании славян, и что такая система хуже питейных откупов, что она ведет только к деморализации народа. Здесь позволю себе выразить желание, чтобы западные славяне, которые несравненно больше нас знакомы с немецкою литературою и имеют более нас возможности и интересу собирать разные мнения о славянах, занялись составлением таких сборников, и присылали бы их к нам. Редакция «Паруса», верно не откажется время от времени, помещать такие рассуждения: они важны для истории взаимных отношений славян и немцев, полезны, как род назидания, чего надо и нам избегать, чтобы не попасть самим на подобную колею, и не мечтать о распространении русского языка мерами насильственными.

Примечание авторов: Ламанский ссылается на Давида Траугота Копера. *Давид Траугот Конф, или Дабит Богвер Глован* (1788–1865) — серболужицкий педагог, преподавал в различных нижнелужицких школах. С 1825 г. был директором школы при Гальских воротах в Берлине. Участвовал в переводах Библии на нижнелужицкий язык (1821, 1824 гг.). Издавал рассказы и стихотворения на нижнелужицком и верхнелужицком языке, автор ряда методических пособий для школьных учителей, в частности, «Указания для вычислений по принципам чистой природы» (1821). Издавал журнал для учителей народных школ «Школьный друг».

⁴¹ *Карл Фридрих Август Грасгоф* (1770–1841) — немецкий теолог, педагог и математик, оказавший значительное влияние на реформу образования в Пруссии. Обучался теологии и математике в Галле (1789–1792), с 1810 г. — ректор лицея в Пренцлау, возглавлял Гимназию Фридриха Вильгельма в Берлине. Участвовал в битве при Лейпциге. Перевод названия упоминаемого Ламанским сочинения: «Некоторые идеи к ответу на вопрос: каким образом наиболее легко и быстро можно передать другим национальное образование? С твердой точкой зрения на современное разделение Польши».

Этот чистый продукт больной, пугливой фантазии людей, провинившихся и начинающих тяготиться плодами своей неправды. Такой панславизм — призрак, подобный макбетовским видениям, создание чисто-субъективное, носит на себе черты чисто римско-немецкие и потому самому, в этом виде, не находит и не найдет сочувствия в славянах. Плоды этой вражды перед нами: умный, даровитый, ученый народ немецкий исполнен внутренней вражды, сословной ненависти, почти лишен всякого самоуправления, разбит на какие-то клетки, тогда как соплеменные ему скандинавы, с каждым годом подымают все выше и выше свою голову, а им начинающие сочувствовать славяне и итальянцы все яснее сознают необходимость братского общения и, имея поучительный пример на глазах в жалостном состоянии Германии, стараются, по крайности, на будущее время уберечь себя от духа вражды и ненависти к чужим народам, ото всяких соблазнов этого римско-немецкого, папско-императорского направления, к несчастью для других и для нее самой не брошенного вместе с папизмом северною, протестантскою Германиею. Каждый русский, истинно-просвещенный, следовательно, развитый полно и нормально, а не изуродованный воспитанием, уже так сказать по физиологическому закону единокровности и одноязычности, имеет более сочувствия и влечения к славянам, нежели к немцам. Тем не менее он не может и горячо не любить, высоко не уважать Германии Гуттенберга, Лютера, Канта, Фихте, Гегеля, Гёте, Шиллера, Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Кеплера, Гаусса, Бесселя, Гумбольдтов, Риттера, Мюллера, Либиха, Боппа, Грима, Нибура, Штейна и пр. Потому было бы нечестно с его стороны не пользоваться теми счастливыми обстоятельствами историческими, что навсегда нас поставили выше всякой вражды к немцам или какой бы то ни было чужой национальности. В настоящее время, нам русским, в числе других великих обязанностей, представляется и следующая: надоумить массы немцев, что поныне в них живущая нетерпимость к соплеменникам нашим — возмутительна, а попытки германизировать славян — и нелепы и неблагонамеренны, и так как честными путями такой цели не достигнуть, то им остается для того одно средство — насилье, меч, как известно, обоюдоострый. В этом-то отношении весьма, кажется, полезно раскрывать тот вред, который нанесли себе сами немцы, предаваясь дикому духу вражды и ненависти. В то время, как никогда вполне не подчинявшаяся Риму Англия, рано давшая миру Лоллардов и Виклефа, учение которого встретило живое сочувствие в родственных нам чехах, скандинавские народности, столь свежие и энергические, и Россия, твердо ныне вступившая в путь преобразований, требуемых временем и нуждами народа, — совершенно обеспечены и спокойны у себя дома; Германия внутри вечно снедаема мучительным, тревожным страхом каких-то революционных идей (что доказывается, например, печальным, постыдным процессом Гервинуса⁴²), а извне, словно пугала какого-то, боится вопроса о национальностях.

Не хочу сказать, чтобы славяне и прежде и теперь были совершенно свободны от вражды к немцам, которая теперь по крайности совершенно в них извинительна, также, как и в итальянцах. Не будем к ним несправедливы, а к себе пристрастны: не станем хвалиться своими сочувствиями, своим взглядом, чуждым всякой тени вражды, мы тем обязаны не себе вовсе, не своим качествам, когда итальянцы и немецкие славяне станут, Бог даст, в такое же отношение к немцам, в какое поставила нас история наша,

⁴² Речь идет о немецком историке *Георге Готфриде Гервинусе* (1805–1871). В конце 1852 г. после публикации ряда своих работ он был обвинен в государственной измене — «процесс Гервинуса», но смог избежать заключения.

тогда, конечно, и в них исчезнет всякий след вражды. Теперь же я не хочу и не могу отрицать ее, должен однако заметить, что вообще говоря, со стороны славян всегда почти было меньше фанатизма, потому ли, что поставленные в Европе между двух врагов, немцев и азиатов, славяне должны были уступить первым и, став в положение угнетенных, больше могли сбересть справедливости, ибо раб всегда нравственно выше своего повелителя; первый легко может великодушно прощать, второй должен не только сознаться в своих обидах, но раскаиваться и просить прощения, что для души испорченной властью еще тяжелее состояния рабства; или потому, что общинный быт славян с их вечами питал в них чувство самостоятельности и уважение к чужой свободе; отымал у них охоту и страсть к войне наступательной. Очень возможно, что те и другие причины здесь действовали; однако несомненный этот факт всего лучше объяснен быть может следующими соображениями: 1) в быте и характере древних славян вообще нельзя не усмотреть много мягкости, так, например, император Маврикий (582–602), говоря о том, как надо вести войну со славянами, к которым он, как грек, вовсе не был пристрастен, заметил между прочим: «Они чрезвычайно ласковы с иностранцами и с великою попечительностью провожают их здоровыми и невредимыми из одного места в другое и, если по оплошности провожающего, случилось с иностранцем что-нибудь дурное, то сосед его за то мстит ему. Военнопленных своих они не бессрочное время удерживают у себя в рабстве, *не так как другие народы* (ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη), но им назначают определенный срок, предоставляя им на волю, воротится, внести выкуп, восвосяи, или остаться у них уже свободными или друзьями»⁴³. В восприимчивом, по природе, славянине всегда жило желанье доброй о себе славе, необыкновенное добродушие и даже какая-то страсть (иногда, впрочем, вещь вредная) со всеми дружитья, со всеми брататься. В этом отношении он прямая противоположность немцу, отличающемуся строго развитою личностью, зато часто через чур надменному и исключительному. В этих свойствах заключено, кажется, коренное различие немцев и славян с их добрыми и слабыми сторонами. 2) Христианство проникло по большей части к славянам не из Рима, следовательно, в виде неискаженном, неиспорченном римским духом преобладания, или на языке родном, следовательно, легче могло распространиться в жизнь, чем у немцев. 3) Славяне сознавали, что этим завоевательным духом немцы сами себе вредили, что собственно и главнейше он был к ним привнесен извне, и что, следовательно, они отчасти сами не ведали, что творили. Это сознание очень ясно и неоднократно, на примере выражаемо было чехами во время великого их движения в XV в., которое, в случае успеха, конечно, преобразовало и обновило бы всю тогдашнюю Европу, и не в пользу одних славян, но и ее самой, уничтожило бы необходимость страшного восстания в 1789 г. Доброго Якова (Jacques Bonhomme). Он ведь также не меньше западного славянина задавлен был, не без содействия пап тяжким игом франков, так искажившим

⁴³ *Маврикий*. Стратегикон, XI, 4. См. совр. пер.: «К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно, так что если гостю по беспечности принявшего причиняется вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья» (Стратегикон Маврикия / Изд. подгот. В. В. Кучма. СПб.: Алетей, 2004. С. 189–190).

бедного Якова, что не успел он очнуться, как увидел на своих плечах нового Карла, такого же грозного гасителя всех народностей и встречавшего постоянный и сильный отпор в Англии, верной хранительницы народной старины и самоуправления; наконец, погубившего свою силу в землях славян русских, которых не коснулись Карл и его преемники — немецкие императоры⁴⁴, благодаря западным их соплеменникам, поставленным Проведением на страже восточных своих братьев, отстоявшим и искупившим их независимость, впрочем, дорогою ценою; ибо одни (славяне балтийские) в этой борьбе совершенно утратили свою народность, другие сильно исказили свой внутренний быт, как, например, поляки и чехи.

Данные о статье

Авторы: Куприянов, Виктор Александрович — преподаватель истории, Санкт-Петербургское музыкально-педагогическое училище, Санкт-Петербург, Россия, nonignarus-artis@mail.ru;

Малинов, Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.v.malinov@gmail.com

Заголовок: «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В. И. Ламанского)

Резюме: Комментированная публикация первого из «Исторических писем» российского славяноведа В. И. Ламанского (1833–1914). Полное название цикла: «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам» (1859). Главным итогом его творческих поисков стала монументальная концепция политической и культурной структуры Евразии, разбиваемой Ламанским на три самостоятельных мира: европейский (романо-германский, средний (греко-славянский) и азийский. В первом «Письме...» отражается ряд самых важных тезисов теории Ламанского: единство славянских народов на основе их одноязычия, враждебность западной — прежде всего, немецкой — культуры по отношению к славянам и понимание языка как выражения духа народа. При этом важно отметить, что в «Письме...» очевидно влияние современных Ламанскому научных теорий, возникших в Германии на волне романтического подъема. Прежде всего это касается очевидного влияния В. фон Гумбольдта, от которого в этом письме полностью зависит понимание языка. Знакомство с «Письмом...» Ламанского дает представление об уровне и характере славяноведения в России во второй половине XIX в., позволяет осознать ту серьезнейшую трансформацию, которая произошла в этой науке с периода, когда работал Ламанский, и дает понимание, как начиналось ее развитие в России.

Ключевые слова: славяноведение, Ламанский, язык, славяне, история науки, панславизм

Литература, использованная в статье

Ламанский, Владимир Иванович. О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556–564.

Ламанский, Владимир Иванович. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1859. С. 1–370.

Ламанский, Владимир Иванович. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Ламанский, Владимир Иванович. Геополитика панславизма. Москва: Институт русской цивилизации, 2010. С. 28–41.

Лаптева, Людмила Павловна. История славяноведения в России в XIX в. Москва: Индрик, 2005. 840 с. *Саприкина, Ольга Вячеславовна.* Академик В. И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004. 292 с.

⁴⁴ *Примечание В. И. Ламанского:* Если не считать ливонских рыцарей, одушевленных тем же завоевательным римско-немецким направлением, встретивших во славяно-русских общинах, Пскове и Новгороде, сильный отпор, тем не менее перехвативших у них море, и таким образом надолго вместе с татарами задержавших развитие Руси.

Information about the article

Authors: Kupriyanov, Victor Alexandrovich — history teacher, St. Petersburg musical teacher's training college, St. Petersburg, Russia, nonignarus-artis@mail.ru;

Malinov, Alexey Valerievich — Doctor in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, a.v.malinov@gmail.com

Title: «I serve to nation...»: (to the publication of «Historical letters about the relations of the Russian nation to its tribesmen») by V. I. Lamansky).

Summary: The article is devoted to the general overview of the creative work of V. I. Lamansky an outstanding Russian Slavonic scholar (1833–1914) and presents the introductory text to the publication of the first part of the series of his works «Historical letters about the relations of the Russian nation to its tribesmen» (1859). The article explicates the important details of the scientist's biography and gives a brief analysis of the essential content of the archive materials published for the first time. V. I. Lamansky had studied the Slavs throughout his scientific career. However, not a series of interesting and separate special investigations typical of modern historians and philologists but the monumental conception of the political and cultural structure of Eurasia divided by Lamansky into three independent worlds, i. e. European (Roman and German), Middle (Greek and Slavic) and Asian, has become the main outcome of his creative searches. Although Lamansky's studies were carried in the quiet of the room and were the result of the scrupulous scientific work, they were oriented towards the understanding of the basic principles of the social life. V. I. Lamansky understood a scientist's work an indispensable element of social being and strived to lead it out into the spear of opinion journalism and free intellectual life. This trait of Lamansky's creative works is already notable in his early series of articles named «Historical letters about the relations of the Russian nation to its tribesmen». The very first «Letter...» reflects a number of the most important ideas of Lamansky's theory: the unity of the Slavs on the fundament of the unity of their languages, animosity of the Western — especially German — culture towards the Slavs and understanding of language as an expression of the *volksgeist*. Moreover, it is important to mark that in «Letter...», there is evident influence of the theories which were contemporary to Lamansky and had appeared in Germany on the wave of the Romanticism. This fact primarily concerns the obvious W. von Humboldt's influence which lent the conception of language to this work. The examination of both Lamansky's «Letter...» and his whole creative work gives an idea about the level and character of the Slavic studies in Russia throughout the second half of 19th century, allows to realize that deep transformation which has happened to this science since the time when Lamansky worked and affords to understand how its development begins in Russia.

Keywords: Slavic studies, Lamansky, language, the Slavs, history, panslavism

References

Lamanskiy, Vladimir Ivanovich. O polozhenii bolgarskikh slavyanskikh del s tochki zreniya istorika i slavista [Of the state of the Bulgarian slaves from the historian's and Slavic scholar's point of view], in *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 1886. № 12. P. 556–564 (in Russian).
Lamanskiy, Vladimir Ivanovich. *O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii* [Of the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Science, 1859. P. 1–370 (in Russian).

Lamanskiy, Vladimir Ivanovich. Rech, proiznesennaya v S.-Peterburgskom universitete 31 yanvarya 1860 g. pri publichnoy zashchite dissertatsii na stepen' magistra «O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii» [The speech delivered in the Saint-Petersburg University on the 31st January of 1860 at the public defense of the master's theses on the topic «Of the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain»], in Lamanskiy, Vladimir Ivanovich. *Geopolitika panslavizma*. Moscow: Institute of Russian Civilization Press, 2010. P. 28–41 (in Russian).

Lapteva, Lyudmila Palovna. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v. [The History of the Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow: «Indrik» Publ., 2005. 840 p. (in Russian).

Saprikina, Ol'ga Vyacheslavovna. *Akademik V. I. Lamanskiy (1833–1914): nauchnoe nasledie i obshchestvennaya deyatel'nost'*. Dis. [V. I. Lamansky the academician (1833–1914): scientific legacy and social activity. Thesis for a Ph. D. degree in History]. Moscow, 2004. 292 p. (in Russian).